Николов С.Е.

БОЛГАРИЯ ПОСЛЕ КОММУНИЗМА: ЦАРЬ-ПРЕМЬЕР И ДРУГИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ

Результаты парламентских выборов в Болгарии 17 июня 2001 г. оказались сюрпризом для многих, хотя социологи заранее предсказывали победу вновь созданного Национального движения им. Симеона Второго (НДСВ). Лишь одно место не хватило Движению для того, чтобы обеспечить себе абсолютное большинство; прежние лидеры из Объединения демократических сил (ОДС) еле обеспечили 18% голосов, а социалисты оказались третьими с 48 местами. Курьезы, которые заставили почти всю мировую прессу обратить внимание на болгарских выборах, включали не только любопытный факт, что выгнанный из страны 55 лет назад царь включился в парламентской борьбе. Это прежде всего невероятная скорость, с которой Движение одолело все препятствия – лишь за два месяца с немногим единственно и лишь благодаря авторитету своего неформального лидера. "Царь" так и не занял никакого поста в партийной структуре образовываемой "на ходу" партии, не выдвинул свою кандидатуру в депутаты и долго сопротивлялся выдвижению его кандидатуры в премьер-министры. Однако, все равно, вышел во главе рейтингов политических деятелей.

Ясно, что происшедшее на выборах стало большим потрясением для ОДС. Эта коалиция добилась значительных успехов в макроэкономике, стабилизировала болгарские финансы (после кошмарной зимы 1996-67 г., когда инфляция достигла 500%, а стоимость болгарского лева упала в течении недели почти в 15 раз по отношению к стоимости доллара) и приступила к болезненным и затяжным экономическим реформам, вывела страну среди вероятных кандидатов в ЕС и НАТО. В то же самое время, было сделано слишком мало или почти ничего для благосостояния болгар. Достаточно упомянуть такие показатели как 100-долларовая средняя зарплата в месяц и примерно 18%-ый уровень безработицы. Избирателя мало интересуют такие вещи как успешно законченный полный срок правления или международная поддержка для уходящего правительства. Почти половина тех, кто на прежних выборах в мае 1997 г. проголосовали за ОДС и почти ¼ из проголосовавших за БСП, через четыре года отдали свой голос за новое движение – цифры, которые более чем красноречивы.

РОЖДЕНИЕ ДВИЖЕНИЯ СИМЕОНА ВТОРОГО

В отличие из прежних сменяющих друг друга у руля власти "красных" и "синих", новому большинству не хватило времени консолидироваться, узнать и сблизиться с коллегами. Преобладающее число избирателей Симеона II встретилось и познакомилось с ним во время первого собрания как парламентская группа и организаторы кампании. Кроме одиозных фигур манекенщиц, телевизионных ведущих и актеров, группа приняла некоторых до того полностью незнакомых лиц, а также совсем молодых – 30-летних и моложе – экспертов, проработавших в западных финансовых структурах. Последние стали ядром экономического экипажа правительства во главе с вице-премьером Н. Васильевым и министром финансов М. Велчевым. Но более важными являются одна небольшая группа, которая прошла быстро через болгарскую политику и экономические реформы в наиболее мутные времена первой половины 90-х и которые оставили впечатление слишком далеких от обещанной "новой морали", борьбы с коррупцией и почтенности "во всем". К ним можно отнести и членов т.н. академического юридического экипажа, некоторые из которых консультировали приватизационные сделки, вызывающих сомнение в их правомочности. Среди них – председатель Народного собрания проф. Огнян Герджиков и "серый кардинал" новых правящих проф. Пламен Панайотов – вначале руководитель парламентской фракции НДСВ, а впоследствии вице-премьер. Как раз эти люди возбудили сильнейшие опасения, так как их связи с группировками темного бизнеса, достигающих до мощной русской мафии, не смогли быть рассеяны. Мощная царская спина и чересчур большое доверие, с которым болгары отнеслись к "новому мессии" оказались очень удобным прикрытием для закулисных маневров. И здесь две версии: одна про "наивного" Симеона, позволившему обмануть себя злонамеренными советниками, и другая – нашептывающая об растраченных богатствах наследника болгарского престола, сделавшего его заложником кредиторов и в особенности все той же русской мафии... Это, в частности, объясняет, почему Симеон, встреченный с энтузиазмом как никто другой в мае 1996 г., остался в стороне от последовавшего бунта против вызванного социалистами экономического срыва и впоследствии приезжал в Болгарию лишь с целью налаживания своих имущественных дел. Лишь после того как экономика стабилизировалась, он внезапно решил вернуться в политику. И все это ведет нас к выводам, намного более серьезным и угрожающим, чем дебаты о том, собирается ли Симеон II изменять государственное устройство, восстанавливая монархию. Есть, к сожалению, достаточно оснований для опасения за попытками самого Симеона уйти от конкретных ответов. Вне всякого сомнения, сугубо опасный в политике сплав между наивностью и

наглостью, иррациональностью и смекалкой обещает довольно тревожных перспектив. Первоначальное стремление Симеона остаться в стороне от света прожекторов и взять на себя как можно меньше ответственности означало стремление сформировать размытый, внеконституционный центр во дворце Враня возле Софии.

Ввиду относительно низкой поддержки монархии (от 10-15% в опросах разных агентств после 1990 г., и упавшее до 3,3% к настоящему моменту), Симеон, по всей видимости, предпочел занять более неангажирующий, наделенный Конституций символическими полномочиями, пост президента республики. На его пути, однако, встало конституционное требование, чтобы кандидат в президенты жил последние пять лет в Болгарии. Попытка обойти это требование не прошла, но в общественном сознании осталось впечатление вмешательства исполнительной власти, целью которого было предотвращение возврата "доброго Царя". Подобным образом был истолкован отказ суда зарегистрировать в короткое время до выборов новую партию из-за неполноты представленных документов. У Симеона все таки оставалась одна возможность, и он сыграл ее: в Центральной избирательной комиссии была зарегистрирована коалиция двух маргинальных партий – Партия женщин и Движения Оборище, которые иначе не смогли бы привлечь и малейшую долю голосов – под именем Национального движения Симеона Второго (НДСВ). Как раз эта коалиция, в которой сам Симеон не занимал формально никакого места, и протолкнула в парламент 120 его ставленников.

Произошедшее – факт, что электоральные предпочтения и установки могут сформироваться и трансформироваться на протяжении одного-двух месяцев, проявляя чрезвычайную неустойчивость – подтверждает отсутствие по настоящему сформированного гражданского общества в Болгарии. Вместо этого, болгарское общество все еще остается ближе к характеристикам толпы – т.е., по А.Турэну, противоположность гражданского демократического общества – "идея о некоем деструктурированном обществе, где не существует посредничества между индивидуумом и центральным правительством, где имеется индивидуальная идентификация каждого члена толпы с руководителем, с его словами и его личностью" [16]. В литературе отсутствует ясное разграничение между демократическими и не демократическими странами – кроме концепции Роберта Даля о полиархии, определяющей критерии для демократичности. Полиархия, по Далю, обладает семью атрибутами: 1) Выборные органы управления; 2) Свободные и честные выборы; 3) Всеобщее избирательное право; 4) Право баллотироваться на выборную должность; 5) Свобода слова и высказывания мнения; 6) Альтернативная информация; 7) Свобода ассоциации [5, 221]. Согласно этим критериям, некоторые из

стран, в особенности некоторые страны бывшего Советского Союза и латиноамериканские страны, где проводятся выборы, но существуют серьезные нарушения до, во время и после голосования – должны быть исключены из круга полиархий. Американские исследователи, Дэйвид Коллиэр и Стивэн Левицкий, со своей стороны, указывают, что каждое определение, добавляемое к термину "демократия", означает отсутствие какого-нибудь атрибута или атрибутов, которые принимаются как существенный компонент демократии, т.е., речь идет о неполной, неосуществленной демократии [11, 34, 51].

Согласно одному из наиболее выдающихся современных исследователей трансформирующих ся политических систем Гильермо О'Доннэлю, наиболее важная проблема новых демократий, это не отсутствие или незавершенность демократичности институций вообще [11, 35]. Интерес для него представляют две своеобразные институции – одна сильно формализованная, но циклическая, выборы, и вторая – неформальная, постоянная и с универсальным характером: клиентелизм или партикуляризм. Если прежде считалось, что клиентелизм характерен для авторитарно-популистких режимов, теперь он успевает скомбинироваться, хотя и с определенными проблемами, с формальными правилами и демократическими институциями.

Некоторые авторы добавляют к списку атрибутов Р. Даля еще два существенных критерия [11, 35-36; 15]: недопустимость как произвольного и авторитарного прекращения конституционно закрепленного мандата выбранных (а также некоторых назначенных) должностных лиц до его истечения, как и наличие сильных актеров, находящихся вне непосредственного контроля избирателей (и в особенности вооруженных сил) над выбранными органами управления путем налагания ограничений, права вето или монополии на некоторые сферы политики. Наконец, одно более полное определение полиархии должно включать и общее ожидание, что демократический избирательный процесс и сопутствующие его свободы сохранятся в обозримое будущее. Указанные критерии с некоторыми колебаниями могут быть отнесены к большинству центрально- и восточноевропейский посткоммунистических стран [см. 10; 14, 57-74].

Современные демократии почти без исключения являются результатом многовекового процесса развития; независимо от множества различий между отдельными странами, демократия воплощена в определенном институциональном пакете: совокупности правил и институций (большинство из которых представляют сложные организации), эксплицитно формализованных в конституциях и соответствующего законодательства. Определение полиархии молчит по некоторым важным темам как, например, каким образом и в какой степени органы государственного

управления являются подответственными перед гражданами в периоде между выборами, так и в степени, в которой правовое государство покрывает всю географическую или социальную территорию страны [см. 15]. Как политические лидеры, так и избиратели в демократических странах убеждены, что последующие выборы будут проходить в рамках законно установленных сроков с участием всех зарегистрированных, предвыборная кампания будет проведена без насилия и давления, а голоса будут честно посчитаны. Не подлежит сомнению, что победители займут полагающие им места и их мандаты не потеряют своей легитимности произвольным образом до истечения срока. Более того, предварительным условием для осуществления избирательного процесса является наличие свободы мнений и ассоциации (вкл. свободу образования политических партий), как и свободных от цензуры средств массовой информации. При наличии этих условий достигается описанная Хуаном Линсом ситуация, при которой "никто из значимых политических субъектов, партий, организованных интересов, сил и институций не видят какой бы то ни было альтернативы демократическим процессам для достижения власти, и… ни одна политическая институция или группа не имеет претензий налагать вето на деятельность демократически выбранных органов для принятии решений… Проще говоря, демократия воспринимается как "единственная игра в городе" [9, 156].

Согласно авторам опубликованного в США коллективного труда о демократии в Южной Европе [7], южно-европейские страны успели преодолеть мноие хронические проблемы по пути к утверждению демократического стиля управления, которые оказались фатальными для множества других государств, в особенности Латинской Америки, и в значительной степени пришли к необратимой консолидации своих демократических политических систем [18, 389]. В большинстве стран вне Северозападной Европы и Северной Америки, однако, налицо традиционный и глубокий разрыв между реальными взаимоотношениями в обществе и сферой права (здесь мы припоминаем болгарскую пословицу о законе как "вратаре в поле"). Сегодня, когда значительная часть этих стран претендуют на переход к демократии, очевидно присутствие подобного разрыва. Институции являются достаточно гибкими и приспособляемыми к изменяющимся обстоятельствам, в особенности когда они имеют глубокие исторические корни.

Насколько больше поведение отдельных индивидов внутри в институциях и во взаимодействии с ними сообразно с этими формальными правилами – иными словами, предсказуемо – настолько более уверенно можем назвать данную политическую систему развитой демократией, или полиархией; когда соответствие слабо или практически отсуствует,

мы стоим перед трудной задачей описать актуальное поведение и обнаружить неформальные правила, которые регулируют его. Без знании этих правил поведение масс остается необъяснимым; в таких случаях как раз неформальные правила оказываются сильно институционализированными традициями, обычаями, религиозными ограничениями и т. д. Подобные процессы углубления несоответствия между формальными и неформальными правилами наблюдаются не только в примитивных обществах, но и в самых развитых демократиях. Это расхождение является особо трагическим в большинстве новых демократий, где формальные правила функционирования политических институций чаще всего остаются лишь на бумаге. Подлинная институционализация здесь заменена фокусированием на сильно формалиизированных организациях, что препятствует обнаружение чрезвычайно мощной, влиятельной, неформальной и чаще всего прикрытой институция – клиентелизма[1]. Клиентелизм и сродные ему явления представляют собой, по существу, частные взаимоотношения, которые охватывают сравнительно широкий спектр иерархизированого партикуляризированого обмена через патронаж, семейственность и склонностью к действиям, которые, согласно формальным правилам демократии, рассматриваются как коррупционные. Клиентелизм по своей сути противоречит одному из основных аспектов полностью институционализированной демократии: поведенческого, юридического и нормативного разграничения между публичной и частной сферой. Иначе говоря, это означает, что от лиц, выполняющих некоторые роли в политических и государственных институциях, ожидается, что они будут придерживаться универсальных, а не частных, мотивов и ориентаций. Когда граница между публичным и частным не до конца явно обособлена, подобные явления преобладают, и тогда ощущение насчет их неправильности намного более слабо и реакция против смешения двух сфер притуплены, они являются заменены цинизмом и скепсисом к институциям демократии, участвующих в них личностям и “политическим классам” вообще. Это ведет к закреплению партикуляризма и его практики как основного способа достижения и удержания политической власти. Поэтому не удивляет, что ряд факторов и критериев, создающие видимость устойчивого демократического процесса – как например: 1) Безпроблемная передача власти между бывшими соперниками; 2) Продолжающая во времена чрезвычайных экономических трудностей поддержка режима и политической стабильности; 3) Успешное

[1] В политологии клиентелизм относится к совокупности неформализированых социальных структур, обозначемые некоторыми авторами как партикуляризм. Отсутсвует общепринятое опеределение этих структур, но для более подробного описания их современнего смысла см. Николов (2001).

подавление и справедливое наказание немногих бунтарей и экстремистов; 4) Устойчивость режима в условиях на радикальной реформы партийной системы; и 5) Отсутствие политически значимой партии или общественного движения, направленных против системы [1; 7, 12-13, 30]. По своей сути это является выражением установившихся партикуляризма, т.е., утвердившихся внеинституционнных каналов для формирования политики, которые в состоянии свести демократию к фарсу.

Клиентелизм и другие формы партикуляризма вовсе не являются исключением: они являются постоянным спутником человеческого общества и лишь в последнее время, при этом не везде, их преобладание оказалось перед предизвикательством универсальных норм и правил. Подобное сожительство, хотя противоречит утвержденным в теории демократии моделей, связанных с наблюдаемом в глобальном Северо-западе, само по себе вряд ли должно поставить под сомнением нормального функционирования демократического режима. Но неформальная институционализация подобного рода режимов несет ряд других важных последствий. Одно из них связано с размыванием границы между частной и публичной сфер. Вследствие того, отчетность, являющейся решающим аспектом формально институционализираванной демократии, наталкивается на серьезные препятствия. Само институционализирование выборов требует наличия ретроспективной отчетности поданных голосов и исключает значимых злоупотреблений посредством бдительности свободной прессы и активных сегментов общественности – даже если соответствующее судебное преследование подобного рода нарушений воспрепятствовано. В этом смысле демократия, даже если она не институционализирована формально, представляет собой огромный шаг вперед по сравнению с авторитарными режимами. Даже когда практическое функционирование характерной для демократии сети рамок, ограничений, правил и ответственности – и прежде всего, строгое отделение публичной от частной сфер – далеко от идеального, она представляет собой существенный элемент формального институционализирования демократии.

Неокрепшие демократии характеризируются слабой горизонтальной отчетностью. Более того, во многих из них исполнительная власть упорно и нередко успешно стремится к сведению до минимума существующих механизмов такого типа отчетности и контроля. Сочетание между институционализированными выборами, клиентелизмом или партикуляризмом как господствующей политической институцией и значительное расхождения между формальными правилами и способом, по которому большинство политических институций функционируют, отличают политическую власть от представительности и превращают ее в специфиче-

скую форму, названная О'Донэллом "делегированой демократией": цезаристкой, основанной на плебисците исполнительной власти, которая, однажды добравшись до власти путем выборов, считает себя уполномоченной править страной чуть ли не навсегда [12, 44]. Как раз подобное "делегирование" власти в руки одной личности наблюдается в процессе формирования и институционализирования нынешнего правящего большинства в Болгарии – Национального движения Симеона II. Наличие социально-экономического кризиса стимулирует наступление исполнительной власти против формальной политической институционализации, так как контроль со стороны парламента, судебной власти и разного рода других политических субъектов воспринимается как предотвращение быстрого и эффективного осуществления воли избирателей. Эта тенденция особенно заметна при президентских режимах, когда парламентские в большой степени в состоянии овладеть подобными искушениями. С другой стороны, как указывает и М. Вебер, лишенные реальной власти и ответственности институции оказываются при этих условиях вынуждены действовать такими способами, которые подтверждают причины лишения их власти. Все это ведет к укреплению партикуляристских тенденций, особенно сильные в парламенте, вполне очевидно оказываются неспособными осуществлять правосудие, а контролирующие агенты элиминированы или обречены на пассивность. Эти процессы подкармливают будущую эрозию легально установленной власти, еще более размывают границы между публичной и частной сферой и порождают огромные искушения к коррупции. В конечном счете, отсутствие контроля может привести к восстановлению прежних, якобы изжитых, авторитарных практик. В сочетании с углубляющимся социальным неравенством, подобная форма правления все более склоняется в пользу высокоорганизированных и экономически мощных интересов – что вовсе не исключает внешне популисткой фразеологии. Чисто политические, демократические свободы – отсутствие насилия над избирателями, свобода выражения, передвижения и объединения и т.д. – могут оставаться незатронутыми. Однако, широкие слои населения оказываются лишенными или периодически ограничиваемыми в их доступе к ряду основных либеральных свобод, составляющих в своей целостности понятия гражданского и политического статуса. В таких якобы демократических странах поданные являются гражданами лишь в отношении единственной институции, функционирующей сообразно предписаниям формальных правил – выборов, пока всей совокупности гражданских прав и свобод радуется лишь привилегированное меньшинство[1].

[1] Особый интерес передставляет проблема о том, на каком этапе подобная

Как показало недавнашнее исследование [3], электорат НДСВ, может быть немного неожиданно, характеризуется не столько предрасположением к авторитаризму, а, наоборот – они поддерживают более широкие полномочия для избирателей в формировании политики, например – выдвижение кандидатов в депутаты посредством собраний дееспособных граждан, решение важных общественных проблем через референдумы, и т. д. Но это вовсе не означает, что электорат НДСВ отличается более демократическими установками и ценностями – как раз наоборот, эти результаты являются явным признаком отсутствия гражданских практик и установок. Как отличительная примета избирателей НДСВ, вырисовывается их атомизм, взаимная изолированность и маргинализация как между ними, так и в отношении оформившихся других социальных групп и партийных ядер. Это – люди, которые не были сопричастными к прежнему правлению, не участвовали в реализации его целей, не протестовали против него. Это, практически, "молчаливое большинство" болгар, которое последовательно были разочаровано неспособностью "социализма" удовлетворить их потребности, как и рыночной экономикой в ее искаженном болгарском варианте – быстрого обогащения без особых усилий и затрат и осознания социальных ролей, прав и ответственности. В этом смысле, электорат НДСВ является естественным продуктом противоречивого развития болгарского общества после 1989 г. – негативного отражения половинчатых экономических реформ на социальном статусе среднего болгарина, неэффективного правления и отсутствия диалога в обществе. Вместо привлечения болгар к соучастию в изменениях, их последовательно отталкивали и они все меньше понимают, что на самом деле происходит. С этой точки зрения, политический ураган в июне 2001 г., приведший к отвержению традиционных до этого момента политических партий и формаций, нельзя рассматривать ни как тяготение к авторитарным и антидемократическим установкам (несмотря на особую предрасположенность в годы "демократии" к "крепкой руке"), не является отрицанием нормальных для демократии партийных каналов формирования политики, как некоторые наблюдатели и практики поторопились провозгласить. Это, прежде всего, отсутствие естественных каналов, имеется ввиду превращение политических партий в инструмент обслуживания интересов узкого круга политиков и вырождение гражданских организаций в самоудовлетворяющихся формирований, паразитирующих в большинстве случаев на иностранной помощи в виде программ

демократическая система наталкивается впоследствии на хроническое нарушение гражданских прав и свобод, как и сиязь между обсуждаемыми здесь проблемами и распространенными в данном обществе значимые неравенства разного порядка, как и мизерия, порождающей специфический тип культуры зависимости.

с сомнительным социальным эффектом. Неудовлетворение массы граждан невозможностью высказаться и быть услышанным, найти согласно своих сил и возможностей роль в общественных процессах, а не плыть по течению, ведет к выливанию бурным потоком этой нереализируемой и негативной энергии во время выборов. В таких случаях происходит выбора наиболее привлекательной альтернативы или же, при ее отсутствии, абсентизм. Маргинализированные и отчужденные граждане имеют склонность идентифицироваться с теми, кто никогда до сих пор не был у власти, и которые обладают особой привлекательностью по сравнению с правящей властью. Более того – насколько более новыми и насколько смелыми в своих заявлениях являются данные альтернативы, настолько более привлекательными являются они для изолированных от процесса управления избирателей.

Еще одна существенная особенностью этого типа электората является их низкая информированность, слабая политическая культура и грамотность. Они обычно не читают газет, не слушают передачи новостей электронных СМИ, для них все политики в одинаковой степени являются "негодяями". Их представления о гражданской активности, политической системы, роль гражданских и профсоюзных организаций формируется с помощью кривого зеркала разговоров за стаканом, пошлой культурой и их пародийного отображения в политической сатире. Например, значительная часть избирателей НДСВ не знают общего числа депутатов в Народном собрании, не говоря о каком-либо ясном представлении о способе функционирования отдельных ветвей власти и их разделения. Более слабая информированность и более низкий уровень политической культуры означает и более некачественный, манипулированный и неэффективный политический выбор. Поэтому как раз среди избирателей НДСВ является самая высокая доля заблудившихся, опустивших избирательные бюллетени фальшивых вариантов "Царского" движения (почти 4%), как и проталкивание в парламент замечательного "букета" красивых манекенщиц и телевизионных дикторш – красноречиво названных "придворными дамами" – и вообще людей без явных политических и интеллектуальных качеств.

КОАЛИЦИОННОЕ ПАРТНЕРСТВО С "ТУРЕЦКОЙ" ПАРТИЕЙ

Располагая в начале работы 39-го Народного собрания ровно половиной парламентских мест, правящая партия НДСВ не могла быть спокойной по поводу своего будущего. Чтоб обеспечить себе комфортное большинство в парламенте, Царское движение решилось пойти на рискованный шаг – союз с партией болгарских турков – Движения прав и свобод (ДПС). Несмотря на все противоречия по поводу своего создания и ут-

верждения[1], ДПС добилось солидного и трудно оспоримого места в болгарской политике, но, в то же самое время, зарекомендовала себя как коварного союзника, преследующего свои цели. Важным козырем в рукам ДПС оказался факт, что в область Кирджали – где турецкое меньшинство осязательно превышает долю болгарского этноса[2] – ДПС получило все пять мандатов, взяв реванш за проигрыш вследствие беспринципного союза всех "болгарских" партий против ДПС с целью предотвратить избрание мэра турецкого происхождения за полтора года до этого, несмотря на глубокие идеологические различия. Подобные сделки и недальновидные шаги чреваты значительной опасностью для существующего поныне этнического мира в стране. Как могло ожидаться, на последующих местных выборах в 2003 г. – когда был отмечен организованный массовый приезд и участие в выборах постоянно живущих в Турции местных жителей с двумя паспортами – мэром был выбран кандидат ДПС.

В результате заключения коалиционного договора ДПС получило два министерских поста и зам. министров во всех министерствах. Немного больше, во всех областях социального правления представители "турецкой" партии – необязательно этнические турки – заняли ключевые позиции. Со временем, когда отдельные депутаты НДСВ стали покидать их парламентскую группу, ДПС получило еще более важную позицию – теперь уже без их поддержки дальнейшее существование правительства стало невозможным. Таким образом, правительство НДСВ превратилось в заложника своего меньшего партнера. Ныне влияние ДПС в болгарской политике далеко превзошло его долю в голосах на парламентских выборах.

[1] ДПС было создано в 1990 г. и зарегистрировано с нарушением запрета конституцией создания партий на религиозной и этнической основе. В нем усматривается связь со существовавшей в 1980-х гг. подпольной террористической организации, сопротивляющейся против предпринятой властями попытки ассимиляции; с другой стороны, над многими руководителями ДПС во главе с А. Доганом лежит подозрении в сотрудничестве с коммунистическими секретными службами. Доган установил довольно авторитарный режим внутри партии. Он всегда может рассчитывать на 5-7% голосов на всех выборах со стороны послушного турецкого электората, что обеспечивает ему 20-25 парламентских мест. С 1990 г. его партия превратилась во своего рода балансера в болгарской политике, чья поддержка или отказ поддержки может оказаься роковой для судьбы национального правительства. Со временем ДПС открылась для членства, вкл. на руководящих постах, этнических болгар, и в 2003 г. она стала членом Либерального интернационала.

[2] Согласно данным переписи 2001 г., 61,6% населения области считают себя турками и 61,9% объявляют турецкий своим родным языком. Еще более ярко соотношение во вероисповедании –в среднем по стране 82,6% относят себя к православию и 12,2% – к исламу, в Кирджалийской области это соотношение почти прямо перевернуто: 74,6% мусулмане и 21,5% православные.

***

Современная политическая система посткоммунистической Болгарии не является исключением из утвердившегося еще между двумя мировыми войнами балканского образца, где новоурбанизированные формирования имеют статус, прежде всего, политических и административных структур. Таким образом, они в значительной степени сохраняют те функции, которые приобрели и выполняли в эпохе Османской империи. Новизной теперь является то, что в условиях государственного суверенитета они начинают действовать как инструмент европеизации балканских государств и формирования специфических национальных обществ [2; 4; 8, 45-50; 17]. Их политико-административная структура яркая, если проследим преобладающих професионально-сословные образцы, доминирующими государственными служащими являются представители свободных профессий (адвокаты, врачи и т. д.), торговцы оптом и в розницу, ремесленники и мелкие инвесторы. Эта характеристика выражает господствующую роль государства в "обществе": оно не находится "отдельно" от общества или "против" него, а, наоборот, является его неделимой сферой, которая улесняет само рождение балканских национальных обществ. Именно на Балканах наблюдается неблагоприятное сочетание между экономической отсталостью, социальной, этнической и религиозной фрагментацией, слабой или прерванной государственной традицией и отсутствие демократического этноса. Мощная этническая идентификация, которая характеризирует балканские национальные государства, укрепляется дополнительно из-за отсутствия других объединительных сил в обществе.

Типично для большинства балканских стран (и некоторых других центрально- и восточноевропейских государств) является то, что отсутствие социального консенсуса в отношении к государственной идее обычно компенсируется укреплением институционального компонента. Этатизм остается ключевой характеристикой местных национальных государств. Скрытая связь между политикой и правлением государственных предприятий и экономических организаций предотвращает ввод рыночных критерий как базис для принятия экономических решений. В условиях углубляющегося экономического срыва доминирующей проблемой в государстве является проблема социальной политики в отношении рабочей силы, занятости в государственном секторе, которая остается в большей степени политической, а не экономической проблемой. Демократизация и укрепление режима заменяется лишь временным приглушением социальных конфликтов, пока их корни остаются полностью игнорированными. Возникают условия, ведущих к установлению клиентелистких взаимоотношений, которые, со своей стороны, порожда-

ют патерналистский и корпоративистский стиль в политике и фракционализм в обществе. Объектом подобной "торговли" являются чаще всего ромы (цыгане), но в не настолько скрытном виде она существует и среди сельского турецкого электората. К этому их толкает не только мизерия, но также и ощущение социальной исключенности: они не ожидают ничего доброго от политической системы и склоняются к оценке своего голоса в денежной сумме или осязаемой услуги, даже просто как потенциальная защита против насилия со стороны властей. Такому гражданину все равно, за кого он отдает свой голос – его выбор сводится до непосредственной выгоде, которую он получит, голосуя за того или другого кандидата, чаще всего следуя внушениям посредника или политического брокера. Низкое образование, примитивный образ жизни в отдаленных горных районах, замкнутость группы к внешнему миру ведет к непониманию незнакомых социальных ролей, порождает страх и отчуждение к государственному чиновнику, а оттуда и к разным формам взаимоотношения с государством. Это воспроизводится путем углубления социального исключения и толкают лишенных прав людей к дальнейшей зависимости от подобного рода политических брокеров.

Устойчивое решение связано лишь с установлением стабильных и легитимных институций, которые в состоянии интегрировать социально и политически изолированных. Институционализация политики, утверждение правил политической "игры" и правления, основывающейся на законе – это основные механизмы, ведущие к долговременному разрешению или трансформированию в безопасные формы этнических и других конфликтов в обществе. Лишь в этом случае само государство в состоянии осуществлять свою первостепенную роль как механизм для совладения конфликтов в обществе.

Примеры с Швейцарией, Бельгией, Канадой и некоторыми другими мультиэтническими государствами (которые нередко предлагаются как "модель" для развития Балкан) показывают, что в принципе достижение необходимого единства в обществах, где этнические и политические разделения достигли уровня, угрожающего самой идее о государстве, его институциям и суверенитету, а оттуда и самому его существованию, вовсе не невозможно. Но, чтобы достичь этого, необходимо наличие широкого национального согласия и отказа от противопоставления и крайностей ("все или ничего!"), разумного компромисса и диалога – вещи, которые все еще отсутствуют как в массовом сознании, так и в политическом дискурсе на Балканах.

Литература

1. Николов С.Е. Клиентелизъм, социално изключване или етническо приспособяване // Перспективи перед социологията в България. Съст. и ред. Н. Генов. С., УИ "Св. Кл. Охридски", 2001. – С. 250-281.
2. Николов, Ст. Ем. и В. Рудометоф. Корените на балканския политически модел: пагубно съчтотания между национализъм и слаборазвитост // Социологически проблемаи, №3-4, 1999. – С. 146-163.
3. Програма на ООН об развитие. Национален доклад за развитието на човека 2001: Гражданско участие в управлението – от индивиди към граждани. – С., 2002.
4. Castellan G. Les fonctions culturelles de la ville du Sud-Est Europeen XVIIIe – XXes. South-eastern Europe (4). – 1980. – P. 27-39.
5. Dahl Robert. Democracy and Its Critics. – New Haven: Yale University Press.
6. Gunther, Richard, P. Nikiforos Diamandouros, and Hans-Jurgen.
7. Puhle, eds. The Politics of Democratic Consolidation: Southern Europe in Comparative Perspective. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1995.
8. Jelavich, B. History of the Balkans [2 vols.]. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
9. Linz, Juan J. Transitions to Democracy // Washington Quarterly 13. – 1990.
10. Linz, Juan J. and Alfred Stepan. Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America, and Postcommunist Europe. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996.
11. O'Donnell, Guillermo. On the State, Democratization, and Some Conceptual Problems: A Latin American View with Glances at Some Post-Communist Countries // World Development 21. – 1993. – P. 1355-1369.
12. O'Donnell, Guillermo. Delegative Democracy // Journal of Democracy 5. – January 1994. – P. 56-69.
13. O'Donnell, Guillermo. Illusions about Consolidation // Journal of Democracy 7. – February 1996. – P. 34-51.
14. Schmitter, Philippe C. Dangers and Dilemmas of Democracy // Journal of Democracy 5. – April 1994. – P. 57-74.
15. Schmitter, Philippe C. and Terry Lynn Karl. What Democracy Is... and Is Not // Journal of Democracy 2. – 1991. – P. 75-88.

16. Touraine, A. Le retour de l'acteur. – Paris: Fayard, 1984.
17. Yerolympos, A. Urban Transformations in the Balkans (1820-1920). – Thessaloniki: University Studio Press, 1996.
18. Ibidem: XIII, XIV-XV.